

ЯНУШЕВИЧ И. И.

КАНДИДАТ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК, ДОЦЕНТ, ДЕКАН ФАКУЛЬТЕТА
СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЙ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ПОПЫТКИ ФОРМИРОВАНИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТЬЮ КОНФЕССИОНАЛЬНОГО ПОЛЯ 1917-1930-Е ГОДЫ

Взаимоотношения государства и церкви являются важнейшим показателем духовно-нравственного состояния общества. В соответствии с возложенными на эти институты конкретным этапом исторического развития функциями каждая из сторон организует конкретный вид деятельности. Желание одной структуры делегировать себе право постановки задач предполагаемому партнеру практически всегда приводило к возникновению дисбаланса. Имевшие место примеры удачного сотрудничества государства и церкви никак не могли повториться в Советской России, в том числе из-за некорректного ставления царского правительства к Русской православной церкви. «Государственно-церковная симфония», «Бог. Царь. Отечество» – эти идеи и лозунги при всей созидательности возлагали на Церковь несвойственные ей функции деятельности госаппарата в политической, экономической, культурной и иных сферах. Во многих приходах «наблюдалось отсутствие единения, сплоченности, любви между пастырями и пасомыми, а в замен этих добрых отношений развивалось недоверие, зависть, нападки и даже глумление» [1, с. 26].

Ни царь, ни его окружение не предприняли мер по укреплению авторитета Православной церкви и ее служителей, не осознали истинную ее роль в жизни российского народа. Между тем государство и РПЦ практически на протяжении всей своей истории достаточно тесно взаимодействовали. Религия играла важную мировоззренческую роль. «Христианство в его православном исповедании определило всю систему ценностных ориентаций русского человека, общественную, хозяйственную, этическую и другие стороны жизни» [2; с. 168]. Подмена канонической соборности синодально-консисторской системой сделали Православную церковь, в том числе и надсмотрщиком за политическими взглядами граждан империи, что ослабляло ее профилактические возможности в борьбе с новыми радикальными учениями иностранного происхождения. Огосударствление стало препятствием на пути духовного служения и предопределило возможные размежевания в стане священноначалия, клира, верующих при изменении политического строя. Безусловно, государство, политический режим вправе выбирать для сотрудничества те или иные организации с учетом их конструктивного влияния на духовно-нравственное состояние общества и на сохранения традиционных ценностей. При этом неукоснительно должна быть обеспечена свобода совести, а государство, как заказчик, должно способствовать эффективности функционирования избранных им для сотрудничества организаций в том числе финансово и организационно. Государственное регулирование или ограничения возможны только при вступлении религиозных организаций в правовые отношения с иными структурами. Вмешательство во внутрицерковные дела недопустимо в светском государстве, но органы власти обязаны предпринимать все меры по недопущению действий как со стороны официально зарегистрированных или разрешенных, так и нелегально действующих религиозных организаций, групп, лидеров, наносящих вред здоровью и жизни людей, а так же являющихся угрозой национальной безопасности. Перед молодым советским государством стояли точно такие же задачи как и перед всеми иными современными политическими режимами, однако программные установки партии большевиков однозначно указывали, что в предложенной ими к построению модели государственного и общественного устройства места религии и церкви нет.

Поле для безбожного эксперимента большевикам досталось в 1917 г. совершенно непригодным. Абсолютное большинство населения вне регионов компактного проживания мусульман и буддистов были православными. А это не менее 120 000 000 человек. Первыми же своими декретами и агрессивной антиправославной атакой большевики лишили себя возможности установления своего мировоззренческого влияния на верующих и клир. Советская власть не только не искала точек соприкосновения интересов сторон, но и не исполняла свой же декрет об отделении церкви от государства [3, с. 27].

Провозгласившая в октябре 1917 г. курс на ликвидацию религии и церкви власть одним из способов борьбы избрала путь вмешательства во внутренние дела религиозных организаций и формирование нового конфессионального поля. Имевшие место в высших партийных кругах идеи быстрого механического устранения или самоликвидации РПЦ после отъема собственности и уничтожения значительного числа клириков достаточно быстро сменились пониманием многосложности стоящей задачи. Необходимо было выработать действенные меры по ликвидации Церкви. Перспективным направлением было определено селекционирование религиозных течений и поддержка существующих инославных культов с целью их полного подчинения решениям властей. Советский режим и партия большевиков декоративно являлись весь период своего сторонниками свободы совести и прав народов на самоопределение. И если национальная политика привела к формированию в целом интернационального общества, как и было предположено, то религия и церковь из статуса враждебной мировоззренческой идеологии и антисоветской организации не вышли [4, с. 55].

Идея поддержки инославных культов на территории бывшей Российской империи была не нова. Эксплуатация демократичного и пользующегося у некоторых слоев населения лозунга была перспективна. Тем более что опыт прозелитизма в царской России имелся у иностранных государств и религиозных центров достаточно успешный. С приходом большевиков инославные фактически получили полную поддержку органов государственной власти, официально гарантирующих равноотдаленность от всех культов и равенство всех перед законом. Изменить палитру конфессионального поля бывшей империи предстояло религиозным направлениям связанным с христианской догматикой и, как не странно, имевшими свои религиозные центры

зарубежном. 4 января 1919 г. был издан декрет СНК РСФСР «Об освобождении от воинской повинности по религиозным убеждениям», в котором законодательно была установлена возможность прохождения альтернативной воинской службы или же полное освобождение от ее [5, с. 77]. Такая возможность в условиях многолетней войны и невнятной перспективе долгосрочного мира не могла не прельстить не только призывников, но и во многом в первую очередь их родителей. Каждый конкретный случай освобождения решался Объединенным советом религиозных обществ и групп, но в войсках и на призывных пунктах это отыгрывало свою дестабилизирующую роль. Борьба с православием для протестантизма и католицизма была естественным явлением, которое ВЧК-ОГПУ планировали использовать в своих интересах. Процесс селекции сектантского движения и диалог с РКЦ имели важное влияние на взаимоотношения советской власти с правительствами и финансовыми и политическими институтами на Западе.

Подобная деятельность усиливала процесс распространения нетрадиционных религиозных учений в Беларуси. Невозможность исполнения традиционными конфессиями своей духовной миссии в условиях динамично изменяющейся социально-политической обстановки в стране не улучшала духовно-нравственное состояние общества. РПЦ из синодально-консисторских пут царского правительства в 1917 г. перешла в положение злейшего врага советской власти, на которого была направлена вся репрессивная мощь большевиков. РКЦ, получив временное послабление от Советов уже в 1923-1925 гг., подвергается жесткому давлению [3, с. 26].

В организационном и экономическом плане и православные, и католики были гораздо более уязвимы по сравнению с новыми религиозными движениями. Для многих миллионов людей ни традиционные конфессии, ни большевистское учение не удовлетворяли их мировоззренческий поиск. Предлагаемые сектантскими доктринами пути спасения для духовно дезорганизованных людей казались единственно верными. Важным был и социально-бытовой фактор, возможность получения средств к существованию, да и просто выжить. Неокульты находят современные, доступные и эффективные способы работы с адептами. Вместо долгой и трудной работы над собой многие поддавались соблазну получить все и практически сразу у различных «гуру», «мессий», «учителей». Советские сектоведы и ответственные антирелигиозники в рамках построения сталинской идеологической системы так и не смогли разобраться в хитросплетениях сектантского движения и в 1930-е гг. «зачистили» всех, между тем разношерстность сектантского движения в исследуемый период была колоссальной. Не правильным являются попытки смешивания всех в однородную массу. Из множества сектантских и оккультно-мистических движений и групп проити горнило революции и большевистскую антирелигиозную политику смогли лишь некоторые протестантские деноминации. Следует отметить, что в исследуемый период неопротестантские организации получили свое широкое распространение, в том числе в странах Запада, где позиции РКЦ казались непоколебимыми.

Литература:

1. Кривонос, Ф. *Белорусская Православная Церковь в XX столетии* / Ф. Кривонос. – Минск: Врата, 2008. – 255 с.
2. Кузнецов, С.В. *Нравственность и религиозность хозяйственной деятельности русского крестьянства* / С.В. Кузнецов. // *Православная жизнь русских крестьян XIX–XX вв.* – М.: Наука, 2001. – 168-182 с.
3. *Российский государственный архив социально-политической истории.* – Ф. 89. – Оп. 4. – Д. 26.
4. Янушевич, И.И. *Состояние антирелигиозной информационно-разъяснительной работы партийно-государственных структур в БССР в 1937-1941 гг.* / И.И. Янушевич. – *Известия Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины.* – 2015. – №1. – С. 52-58.
5. *Государственный архив Российской Федерации.* – Ф. 5407. – Оп. 1. – Д. 101.

СУЛИМОВ В. С.

ДОКТОР ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК, ДОЦЕНТ, ПРОФЕССОР КАФЕДРЫ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ ТОБОЛЬСКОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
ИНСТИТУТА ИМ. Д.И. МЕНДЕЛЕЕВА (ФИЛИАЛ) ТЮМГУ

СУДЬБА И.В. ОБОРИНА, СВЯЩЕННИКА ЦЕРКВИ СЕЛА НОВОЛОКТИ В ЗАУРАЛЬЕ, ОСНОВАННОГО САМОХОДАМИ-БЕЛОРУСАМИ

В период массовых репрессий второй половины 30-х гг. XX в. были арестованы и осуждены священнослужители, которым удавалось избежать до сих пор проследования органов внутренних дел. Бывший священник Новолоктинской церкви Ишимского района Омской области И.В. Оборин был осужден в это время, а затем расстрелян.

Иван (Иоанн) Васильевич Оборин родился в деревне Лосево Бегишевской волости Тобольского округа в 1881 г. в крестьянской семье. Окончив причетнический класс при Тобольском архиерейском доме, в 1900 г. был определен псаломщиком в Никольскую церковь села Бердюгинского Ялуторовского уезда. Затем в 1904 г. перемещён к Троицкой церкви села Юргинского того же уезда. Рукоположен в сан диакона 5 ноября 1906 г., с оставлением на занимаемой вакансии псаломщика. Рукоположен священником на вакансию диакона при церкви Вознесения Господня села Локтинского Ишимского уезда 30 января 1914 года. С декабря 1916 г. – настоятель Новолоктинского прихода того же уезда. В 1918 г. утверждён членом благочиннического совета 2-го Ишимского благочиния [3]. С начала 1930-х гг. до ареста в 1937 г. служил в селе Копотилово Казанского района.

Церковь в центре Новолоктей на площади начали строить перед Первой мировой войной. Она была достаточно просторной деревянная на каменном фундаменте. Храм был вытянут вверх и походил на те, что строили на родине самоходов из Белоруссии. Главное отличие от окрестных церквей состояло в том, что была она светлая с многочисленными окнами и окошечками. Церковь открыли в 1916 году. Первым и единственным священником Новолоктинской церкви и настоятелем прихода был назначен священник Оборин Иван Васильевич.

Переселенцы из Белоруссии долгое время мечтали о своей церкви. Потомки панцирных бояр,